

Воины в черных доспехах втащили Му Куанду и Му Цзиньчжи обратно в зал. Увидев восседающего на троне Ли Цзяньхуна, Му Цзиньчжи вскрикнула и упала в обморок.

Му Куанда, едва дыша, взглянул на призрак Ли Цзяньхуна, и у него мгновенно перехватило дыхание.

— Ты... ты... как... — начал он, но слова застряли в горле.

— Му Куанда, — медленно произнес Дуань Лин, — признаешь ли ты свою вину? Ты сговорился с Хань Вэйюном, чтобы убить моего отца. Это измена.

Изо рта Му Куанды хлынула кровь. Он уставился выпученными глазами, не в силах вымолвить ни слова.

— Хань Бинь, — произнес Дуань Лин, — а ты признаешь свою вину?

— На колени! — взревел Се Ю.

Воины грубо пригнули Хань Бина, и тот, дрожа от страха, рухнул на колени, судорожно ловя воздух.

— Ты сговорился с Му Куанда, — прозвучал голос Дуань Лина. — Когда Шанцзин постигло несчастье, подкрепление так и не пришло. Ты взял в заложники чиновников, штурмовал дворец и пытался погубить наследника престола.

Хань Бин поднял голову и уставился на восседающего на троне Ли Цзяньхуна. Внезапно он выкрикнул, будто очнувшись:

— Вы не принц! Вы не...

— Не принц, — «Ли Цзяньхун» на троне наконец заговорил, но голос принадлежал Ли Яньцю. — Зато император. А значит, твое преступление, генерал Хань, стало еще ужаснее.

Придворные онемели от ужаса. Если бы это был Ли Цзяньхун, все еще можно было списать на магию или мираж. Но голос Ли Яньцю... Это значило, что мертвец воскрес! Если на троне сидит он, то кто же тогда лежит в гробу?

Те, кто посмекалистее, уже догадались, что Ли Яньцю инсценировал смерть. Но чередой безумных событий большинство было парализовано — они лишь били поклоны, прижавшись лбами к полу.

— Признаешь вину? — наконец произнес Ли Яньцю. — Но признание уже ничего не изменит. Император, может, и мертвец, но высокопоставленные чиновники здесь вполне живы и все прекрасно видят.

Хань Бин, наконец все поняв, горько усмехнулся:

— Десять лет я защищал границы Великой Чэнь, проливал кровь. А вы, дядя и племянник из рода Ли, подстроили ложную смерть, чтобы заманить меня в столицу и убить. Что ж... я принимаю свою участь.

— У подножия Цзяньцзюнь ты отнял у моего отца войска, — сказал Дуань Лин. — Сговорился с Му Куандой, чтобы погубить его. Доказательства неопровержимы. Вчера я дал тебе шанс, но ты предпочел идти до конца и попытался убить меня, тем самым усугубив тяжесть своего преступления. По закону следует казнить весь твой род, но в память о твоих заслугах по защите Юйбигуань — ты будешь доставлен к Полуденным воротам и обезглавлен, сообщники же будут милосердно изгнаны. Приговор исполнить немедленно.

— Так точно! — отчеканил Се Ю.

Черные Доспехи тут же поволокли Хань Бина на улицу. Дуань Лин не оставил ему ни шанса на спасение. За воротами прозвучало: «Казнить!», и не прошло и мгновения, как окровавленную голову генерала бросили к подножию трона.

— Отнесите голову на улицу, — распорядился Дуань Лин. — Объявите Северному командованию: мятеж прощен, но возвращаться на границу им запрещено. Пусть готовятся к переправке в Шаньдун.

— Докладываю! — солдат Черных Доспехов ворвался в зал, опустившись на колени. — Яо хоу устроил засаду у Цзянчжоу и разгромил подкрепление Северного командования, убив семь тысяч и захватив в плен десять тысяч! Он вернулся с победой!

— Отлично, — кивнул Ли Яньцю. — Прикажи укрепить оборону Цзянчжоу и строго следить за пленными.

Его взгляд скользнул по придворным:

— Цай Янь, подменивший наследника, имел шанс раскаяться. Вместо этого он приказал Улохоу Му убить законного наследного принца. Кроме того, он посеял смуту при императорском дворе, что является недопустимым преступлением по законам небес. Настоящим он приговаривается к смерти от тысячи порезов, его труп должен быть выставлен под стихиями на три дня, а девять колен его рода истреблены. Поскольку его семья уже уничтожена, а Фэн До — единственный оставшийся дальний родственник, Фэн До также будет предан смерти. Амнистия не распространяется на это преступление, но, поскольку императорская милость безгранична, трупы его отца и брата не будут подвергнуты расчленению. Пока что он будет

заклучен в Небесную тюрьму в ожидании казни.

Смертельно бледного Цай Яня утащили Черные Доспехи.

— Улохоу Му, — тихо произнес Дуань Лин.

— Я пытался убить наследного принца, — сказал Лан Цзюнься, выходя из тени колонн. — И я виновен в том, что обманул своего правителя. Более того, не раскаявшись, я действительно достоин десяти тысяч смертей...

Он опустился на колени и, подняв взгляд на Дуань Лина, чуть дрогнул уголком губ.

Дуань Лин вздохнул:

— Пусть твоя вина и велика, но...

— Я знал, — серьезно произнес Лан Цзюнься, — что однажды ты окажешься на этом месте. Я ничего не могу дать тебе взамен, но надеюсь, что в благодарность за то, что я воспитывал тебя в течение пяти лет, ты присмотришь за матушкой Фэйлянь вместо меня, а через несколько лет устроишь ей достойные проводы. О большем я и не прошу.

В конце фразы алая нить выступила на его губах, капая на пол.

— Лан Цзюнься! — лицо Дуань Лина тут же побледнело и, невольно вскрикнув, он бросился вперед, но У Ду стремительным шагом опередил его, оказавшись рядом с Лан Цзюнься. Тот по-прежнему стоял на коленях с закрытыми глазами, прямо держа спину.

У Ду прижал пальцы к его шее и через мгновение отпустил их.

Дуань Лин еще не успел договорить, как из его глаз градом хлынули слезы. Он зашатался, едва не сорвавшись с лестницы, но Ли Яньцю схватил его за руку, усадив обратно на трон.

— В память о прошлом, — сказал Ли Яньцю, — его тело может остаться после смерти нетронутым. Заберите его и похороните с погребальными обрядами, подобающими младшему опекуну наследного принца. И выплатите его семье компенсацию, как если бы он был солдатом, погибшим при исполнении служебных обязанностей.

— Нет... нет... — голос Дуань Лина дрожал. — У Ду! Спаси его! Я знаю, что ты можешь! Быстрее!

— Наследный принц устал, отведите его отдохнуть, — сказал Ли Яньцю. — И я тоже утомился.

Остальных ждут награды согласно рангам. Сегодня же объявляется всеобщая амнистия, за исключением Цай Яня и Му Куанды — их преступления относятся к десяти непростительным злодеяниям и не подлежат помилованию.

Дуань Лин уже не слышал звуков вокруг, и, когда У Ду вынес его из тронного зала, его глаза были наполнены слезами... Он хотел кричать, но голос предательски застрял в горле. Сквозь пелену слез он видел, как чиновники склонялись в поклоне перед ним и Ли Яньцю, громко приветствуя их возгласами: «Да здравствует Ваше Величество!»

А между сановниками по-прежнему стоял на коленях Лан Цзюнься. Струйка крови стекала из уголка его рта, глаза были закрыты, а лицо выражало странное спокойствие — казалось, он просто уснул, застыв в поклоне.

Осенний ветерок пробежался по дворцу, возвещая о приближении холодов.

Бывшие покои наследного принца, где некогда проживал Цай Янь, превратили в холодный дворец. Ли Яньцю велел возвести новый Восточный дворец в северо-восточной части императорского города, и трое наемных убийц посменно несли там службу. Туда же перевели и отряд Черных Доспехов, поселившихся во дворце и подчиняющихся исключительно распоряжениям наследного принца.

Му Цзиньчжи сослали в холодный дворец, но многие вопросы оставались нерешенными. Послы, прибывшие в Цзянчжоу, чтобы выразить соболезнования, по иронии судьбы оказались свидетелями торжества по случаю возвращения наследного принца к императорскому двору. Ли Яньцю объявил всеобщую амнистию и устроил пышный пир для сановников и иностранных гостей. А о том, что император Чэнь все еще жив, упомянул лишь мимоходом, словно это было незначительной деталью.

Ли Яньцю поочередно вызывал чиновников, каждому уделяя время для ободряющих речей. С возвращением наследного принца нрав императора смягчился: исчезли прежние придирки, будто он и не планировал ранее воспользоваться попыткой Хань Биня узурпировать трон, чтобы расправиться со старыми чиновниками, конфисковать их имущество и истребить целые роды.

— Где Его Высочество? — спросил Ли Яньцю, прибыв в Восточный дворец и осматриваясь в поисках Дуань Лина.

— В саду, — ответил стражник.

— Садовничает?

— Нет. Просто сидит, смотрит в пустоту.

Ли Яньцю всерьез возненавидел Улохоу Му. При жизни тот творил зло, а после смерти оставил в сердцах людей занозу.

Дуань Лин сидел в саду, погружившись в раздумья. У Ду, сидя напротив, касался его лба своим, рассказывая что-то смешное, чтобы поднять ему настроение, и Дуань Лин отвечал слабой улыбкой, но в его глазах читалась глубокая печаль.

Он заранее предполагал, что все может закончиться именно так. Но когда этот миг настал, сердце отказывалось смириться.

— Сын мой, — в голосе Ли Яньцю прозвучал укор.

Дуань Лин поднял взгляд, встретился глазами с дядей, а затем вновь опустил ресницы.

— Дядя... — тихо выдохнул он.

Гнев, кипевший в груди Ли Яньцю, растаял при виде его скорбного выражения. На смену пришла щемящая тоска, сдавившая горло.

У Ду почтительно склонился в поклоне, и Ли Яньцю опустил перед племянником, ладонь мягко прикоснулась к его щеке. Дуань Лин взял руку дяди в свои, чувствуя себя немного виноватым.

— Почему не навестил меня? — спросил Ли Яньцю.

— Виноват, — слабо улыбнулся Дуань Лин.

Ли Яньцю взял племянника за руку, и они вышли в сад. Желтые листья кружились в воздухе — глубокая осень вступила в свои права.

— Если государственные дела тебе не по душе, пусть будет так, — сказал Ли Яньцю. — Но встретиться с послами все же придется. С наступлением зимы дороги станут непроходимы, скоро им нужно будет возвращаться обратно.

— Хорошо, — кивнул Дуань Лин. — Пойду сейчас же.

Ли Яньцю будто хотел сказать что-то утешительное, но, подумав, лишь промолвил:

— Будешь каждый вечер ужинать со мной?

Дуань Лин поспешно кивнул. Тут же подбежал стражник, шепнув Ли Яньцю донесение, и тот, поняв, что дело не терпит отлагательств, вынужден был удалиться.

После ареста Му Куанды государство осталось без канцлера. Большинство дел легло на плечи самого императора, и Ли Яньцю буквально тонул в заботах. Дуань Лин, осознавая свою неправоту, собрался с духом, решив исполнить долг.

— Плакал? — тихо спросил Ли Яньцю.

— Рыдал в день возвращения, — едва слышно ответил У Ду. — Потом уснул, а проснувшись, стал будто отрешенным. Уже три дня.

Ли Яньцю произнес:

— Поступай так, как считаешь нужным. Если это продолжится — заберу нефритовую дугу.

Император всегда пренебрегал формальностями, поэтому дарованное подчиненным мог отобрать когда угодно. У Ду, понимая скрытый намек, с покорностью склонил голову.

Дуань Лин вернулся в покои, приказал солдатам принести несколько меморандумов, но весь день просто смотрел в пустоту, погруженный в свои мысли.

У Ду, с лицом, искаженным раздражением, окидывал взглядом стражников в черных доспехах, доставивших документы, часовых у ворот и садовников, подметавших опавшие листья... Се Ю заменил всех евнухов во дворце на статных юношей ростом в восемь чи, с правильными чертами лица и военной выправкой.

В былые времена в государстве Чэнь существовала должность носителей позолоченной булавы, позднее влившихся в армию Черных Доспехов. Отбирали лишь тех, кто годился для аудиенций при дворе — всех как на подбор грациозных, благородной внешности, с железной дисциплиной и каменными лицами. Теперь же всех их перевели в Восточный дворец, и было непонятно, что Се Ю этим хотел сказать.

— Вон отсюда! — У Ду едва сдерживал злость, раздумывая, не найти ли повод отравить этих красавцев.

Но Дуань Лин лишь вздохнул:

— Чего ты вечно срываешься на стражников?

У Ду, нахмурившись, угрюмо замолчал. Дуань Лин, отложив на миг собственную печаль, взглянул на него:

— Опять что-то не так?

— Я ухожу, — заявил У Ду.

— Куда? — спросил Дуань Лин.

У Ду молчал. Глаза Дуань Лина внезапно наполнились влагой:

— Что случилось? Почему ты так говоришь?

У Ду, видя, что тот вот-вот расплачется, поспешил успокоить:

— Все в порядке. Просто по делам ненадолго — вернусь через четверть часа.

— А, ну иди, — кивнул Дуань Лин. — А какие дела?

— Пустяки. Схожу приготовить снадобье для твоего здоровья.

Дуань Лин кивнул. У Ду развернулся и вышел, тяжело вздохнув. В коридоре он долго наблюдал за птицами, а лицо его выражало полную безысходность.

Стражи, евнухи и служанки, проходя мимо, почтительно кланялись У Ду. Его можно было назвать самым стремительно взлетевшим чиновником за всю историю Чэнь: из военачальника переквалифицировался в гражданского чиновника, а за три года и вовсе дорос до наставника наследного принца, взлетев с нулевого до первого ранга. Даже гении, сдавшие все экзамены с высшими оценками, не знали такой карьерной удачи.

Постояв с полчаса, У Ду вернулся, чтобы составить компанию Дуань Лину, занятому меморандумами. Тот то воду просил, то книгу подать — У Ду покорно выполнял каждую прихоть.

К вечеру У Ду проводил Дуань Лина на ужин к Ли Яньцю, и, пока наследный принц трапезничал, У Ду занимал место неподалеку, а Чжэн Янь, как всегда, оставался рядом. Присутствовали также Яо Фу и пятая принцесса Ли Сяо. За столом царили сдержанные беседы — все знали, что Дуань Лин до сих пор не оправился после смерти Лан Цзюнься.

Ли Сяо несколько раз пыталась утешить его, но все попытки прерывались шуточками Яо Фу.

— Сын мой, — наконец проговорила Ли Сяо, — что ты намерен делать с Чан Люцзюнем?

Пускать Чан Люцзюня во дворец было нельзя. Все-таки он бывший подчиненный Му Куанды, поэтому, сколько бы он ни клялся в верности, все будут опасаться того, что он станет служащим. Да и селить его в городе — не лучший вариант.

— Он все это время присматривает за Му Цином, — сказал Дуань Лин.

— Мы не можем держать рядом никого из семьи Му, — возразила Ли Сяо. — Рано или поздно это приведет к неприятностям.

— Не усложняй, — отрезал Ли Яньцю. — Что может сделать этот ребенок?

Император не стал оспаривать решение племянника. После происшествия, узнав, что Дуань Лин поселил Му Цином в покоях, где раньше жила Му Цзиньчжи, приставил к нему стражу и разрешил остаться Чан Люцзюню, Ли Яньцю не стал обсуждать этот вопрос.

— Все равно все, кто должен был умереть, уже мертвы, так что не стоит беспокоиться о том, что Му Цин может причинить какой-либо вред.

— И еще, — добавила Ли Сяо, — этих кочевников пора отправить домой. Чем дольше они задерживаются — тем больше проблем. Уже холодает, так что нам с твоим дядей пора отправляться домой.

Дуань Лин кивнул, понимая, что слова тети были адресованы Ли Яньцю.

— Дождитесь конца праздников, — предложил Ли Яньцю.

Яо Фу лениво потянулся:

— Весной грядет много дел. Боюсь, снова может начаться война. Надо быть начеку.

— Не начнется, — возразил Дуань Лин. — Мы с Бату договорились о трехлетнем перемирии.

— Конечно, лучше всего было бы не вступать в войну, — вздохнула Ли Сяо.

После ужина Дуань Лин, разобрав текущие дела, немного пришел в себя. Вместе с У Ду они вернулись в Восточный дворец через императорский сад. Новые покои, заново отремонтированные при свете сотен ламп, встречали их уютным теплом. Фэй Хундэ, как

временный советник наследника, поселился во дворце — вскоре необходимо было набрать штат помощников.

Ему еще предстоит встретиться со многими людьми. Ночью Дуань Лин ворочался в постели, вспоминая Лан Цзюнься, и горечь снова накатывала волной.

Он ведь собирался даровать тому прощение. Почему же все так обернулось? В тот день в тронном зале все было готово: стоило ему попросить — и Ли Яньцю, связанный нерушимостью императорского слова, не смог бы отказать.

Вернувшись, У Ду снял воинский халат и облачился в черную одежду наемного убийцы.

— Куда ты идешь? — спросил Дуань Лин.

— Выйду ненадолго, — У Ду поправил пояс. — Хочешь пойти со мной?

Дуань Лин с любопытством посмотрел на него.

У Ду помог Дуань Лину надеть сапоги, укутал его в шубу с меховой подкладкой и, взяв за руку, вывел из покоев. Затем подхватил его на руки и взмыл вместе с ним на крышу.

Глубокой осенью воздух был ледяным. Перепрыгнув через кровлю Зала Высшей Гармонии, У Ду, сжав ладонь Дуань Лина, приземлился во внутреннем дворе дворца, находящегося в западной части императорского города — там, где располагался прошлый Восточный дворец.

В комнате тускло горел свет. Порыв холодного ветра взметнул шелковые занавеси, обнажив стоящий посреди зала гроб.

Дуань Лин замер.

Это был похоронный зал Лан Цзюнься. У Ду тяжело вздохнул, скрестил руки на груди и, склонив голову, устоялся на гроб.

— Что ты делаешь? — Дуань Лин попытался остановить его, но У Ду уже выхватил Легуанцзянь. Лезвие рассекло деревянные засовы, крышка гроба отъехала в сторону, и он подозвал Дуань Лина посмотреть.

Внутри, вместо тела Лан Цзюнься, лежало обрубленное бревно... и Цинфэнцзянь.

Дуань Лин замер в безмолвном шоке.

— Он не умер?! — вскричал потрясенный Дуань Лин.

— Тсс, — нахмурившись, остановил его У Ду, доставая Цинфэнцзянь. — Эта вещь принадлежит Залу Белого Тигра. Ее нужно вернуть.

— Почему ты молчал?! — возмутился Дуань Лин.

— Я предполагал, — ответил У Ду. — Император просил у меня этот яд. Две порции.

Дуань Лин молчал, ощущая, как мурашки побежали по коже. Он не знал, смеяться или плакать: Лан Цзюнься жив! Счастье в том, что Лан Цзюнься не умер! Но ярость захлестывала его при мысли о том, что тот снова его обманул.

— Я знал, что он не умер, — сказал У Ду. — Теперь можешь перестать ходить с таким кислым видом, да?

Несмотря на ярость, Дуань Лин не смог сдержать улыбки и кивнул:

— Угу.

У Ду сдвинул крышку гроба на место:

— Пошли.

Дуань Лин бросил взгляд на гроб, догнал У Ду, но теперь уже тот хмурился.

— Эй, — Дуань Лин потянулся к его руке, но У Ду отстранился.

— Переезжаю из дворца.

— Куда? — изумился Дуань Лин.

— Я наставник наследника. Высокопоставленный чиновник, а не какой-то телохранитель. Разве это прилично — жить во дворце?

Дуань Лин уцепился за его рукав:

— Не сердись.

У Ду отмахнулся и собрался уходить, но Дуань Лин вцепился в его штаны — те чуть не сползли, и У Ду схватился за пояс, чтобы придержать их. Так, толкаясь и споря, они добрались до Восточного дворца, и У Ду снова отправился переодеваться.

— Не делай этого, — мрачно пробормотал Дуань Лин.

У Ду переодевался, собираясь уйти, и Дуань Лин спросил:

— У тебя же нет резиденции вне дворца. Куда ты пойдешь?

— В дом канцлера, — ответил У Ду. — Вернусь к жизни в том паршивом домишке.

Скинув черную одежду, У Ду остался в тонком исподнем. Дуань Лин внезапно бросился к нему, обняв за талию.

— Если когда-нибудь я умру...

Дуань Лин резко закрыл ему рот поцелуем, прервав фразу. Пальцы торопливо расстегнули пояс, одежда оказалась на полу, и вскоре он уже стоял перед У Ду совершенно обнаженный.

Взору У Ду открылась светлая кожа и прекрасная фигура юноши, и вид этот оказался настолько волнующим, что У Ду на мгновение потерял дар речи. Дуань Лин продолжал зарываться в его объятия, и у него пересохло в горле. О чем бы они ни говорили, все быстро позабылось, и У Ду просто взял Дуань Лина на руки, укладывая на постель.

— Тебе просто... нужно преподать пару уроков...

— Мм... ах... не надо...

Они занимались любовью всю ночь, и после того, как У Ду восстановил справедливость, он подумал про себя: «Хорошо, что тот тип быстро сбежал, иначе мне пришлось бы сделать эту поддельную смерть настоящей». К рассвету измученный Дуань Лин наконец погрузился в сон.

На следующий день настроение Дуань Лина значительно улучшилось, и он снова стал веселым и жизнерадостным. Хотя У Ду был раздосадован, ему оставалось лишь утешать себя: «А, неважно. В том, что он еще жив, есть и свои плюсы — не придется все время бороться за внимание Дуань Лина с мертвецом».

— Цин-эр там?

Через три дня Дуань Лин пришел к месту за пределами дворца.

— Он внутри, — Чан Люцзюнь больше не был одет в черные одежды разбойника, а еще он снял маску. — Хочешь увидеть его?

В переулке остановилась конная повозка. Дуань Лин издали бросил на него взгляд, но больше ничего не произнес.

— Неважно, — Дуань Лин вручил Чан Люцзюню пачку банкнот и утвержденные императорским двором документы на проезд. — Уходите и больше не возвращайтесь.

Чан Люцзюнь снял с пояса меч и протянул У Ду.

— Следующему преемнику я уже не смогу его передать, — произнес Чан Люцзюнь. — Остается только отдать тебе.

У Ду сказал:

— Я об этом позабочусь.

— Тогда, Его Величество... — Чан Люцзюнь запнулся, не договорив.

— Ты расскажешь Му Цину правду? — спросил Дуань Лин.

Чан Люцзюнь колебался, но Дуань Лин добавил:

— Расскажи ему.

Чан Люцзюнь тяжело вздохнул, резко кивнул и спросил:

— Ты не хочешь с ним увидеться?

Дуань Лин махнул рукой. Казалось, Чан Люцзюнь, окончательно приняв решение, развернувшись, вскочил на место возницы и тронул повозку.

Дуань Лин и У Ду поднялись на городскую стену. Их взгляды провожали удаляющуюся по равнине к северу от реки карету, которую вел Чан Люцзюнь.

— Где Ван Шань? — приподняв занавеску повозки, спросил Му Цин. — Что с моим отцом?

— Тсс, — произнес Чан Люцзюнь. — Позже все расскажу. Слушайся меня и не задавай больше вопросов. Будь умницей.

Хотя Му Цин уже почти десять дней находился под домашним арестом во дворце без вестей, он смутно догадывался о случившемся. Глаза юноши покраснели.

Чан Люцзюнь произнес:

- Твой отец не умер. Более того, ручаюсь - он и не умрет. Успокойся.

Му Цин спросил:

- Правда? А тетя?

Чан Люцзюнь ненадолго замялся:

- С тетей... тут сложно сказать. В общем, хватит вопросов. Будь послушным.

Му Цин уставился на него застывшим взглядом, а затем вдруг выдохнул:

- У меня остался только ты?

- Да, - ответил Чан Люцзюнь. - Но у тебя все еще есть я.

Повозка постепенно растворялась вдали. Дуань Лин в обнимку с У Ду стоял на городской стене. Провожая взглядом удалявшегося Чан Люцзюня, он неожиданно подумал о Лан Цзюнься.

Все эти дни он подсознательно ждал, что тот внезапно появится рядом - хотя бы легким дуновением ветра или мимолетной тенью. Но тот так и не пришел.

Но в любом случае, у него все еще был У Ду. Он поднял на него взгляд.

- Снова вспомнил об отце? - внимательно осматривая Дуань Лина, спросил У Ду.

- Нет, - рассмеялся Дуань Лин. - Просто думал о тебе.

Взяв У Ду за руку, он направился с ним обратно во дворец.

Тем временем в глухую ночь Му Куанда, изможденный пытками, дрожал от боли в сыром подземелье.

- Ваше Высочество!

- Не утруждайте себя входом в камеру, - почтительно произнес стражник. - Мы приведем узника к вам.

- Все в порядке, - склонившись, Дуань Лин вошел в темницу, за ним следовал У Ду. Они спустились по сырой лестнице.

Одетый в рваный халат заключенного, Му Куанда с поседевшими на голове и бороде волосами выглядел так, словно на десяток лет постарел.

- Ван Шань, - хрипло рассмеялся Му Куанда.

- Учитель, - произнес Дуань Лин. - Благодарю вас за годы наставничества и мудрости.

Му Куанда, тяжело дыша, прошипел:

- Ваш клан Ли никогда не...

- Хотите узнать о Му Цине? - Дуань Лин резко прервал его.

Как и ожидалось, Му Куанда замер. Дрожь пробежала по его телу.

- Я отослал его. - Дуань Лин холодно продолжил: - Завтра состоится ваша казнь. Я решил сообщить вам об этом, чтобы успокоить. Слово правителя нерушимо - клянусь именем предков династии Чэнь, я не лишил его жизни.

- С-спасибо... - дрожащим голосом произнес Му Куанда. - Спасибо тебе, Ван Шань!

- Но вдовствующую императрицу спасти не смогу, - сказал Дуань Лин. - На этом все.

Старик в кандалах, с лицом, мокрым от слез, опустился на колени. Дуань Лин изначально собирался сказать ему, что Му Цин на самом деле не его сын. Еще по дороге сюда, вспоминая убийство отца, он мысленно терзал старика тысячами порезов, пытаясь утолить ненависть.

Но увидев дряхлого, изможденного заключенного, все же не смог произнести роковых слов. Он развернулся к выходу.

У Ду задержался на мгновение, с немим состраданием взирая на Му Куанду.

- Не отравляй его, - бросил Дуань Лин у темничных ворот. - Он все равно завтра умрет.

- Понял! - отозвался У Ду. - Мне еще есть что ему сказать. Поднимайся без меня.

Му Куанда в оцепенении смотрел на У Ду, и тот, дождавшись, когда Дуань Лин скроется из виду, произнес:

- Эй, канцлер Му. А вы знали, что Му Цин на самом деле сын Чан Люцзюня? Или вы думали, он служил вам из преданности? Подумайте сами.

Му Куанда беззвучно пошевелил губами.

- Не унывайте, - бросил У Ду. - Прощайте навсегда.

И вот У Ду развернулся и ушел. Старик закатил глаза, несколько мгновений бился в немом удушье, а затем обмяк у стены, царапая ногтями свою грудь.

На следующий день в полдень было пасмурно и моросил дождь. Полуживого Му Куанду с седыми растрепанными волосами везли по главной улице в деревянной клетке.

Дуань Лин в придворной карете прислушивался к реву толпы за занавесками. Когда экипаж ненадолго остановился, У Ду в расшитом черном шелковом халате ловко вскочил внутрь, и они продолжили путь к месту казни вместе.

- Что они делают? - спросил Дуань Лин.

У Ду ответил:

- Возмущенная толпа требует расправы над стариком.

- Не может быть, - возразил Дуань Лин. - Наверное, они хотят остановить повозку и передать ему воды.

У Ду промолчал. По его молчанию Дуань Лин понял, что так оно и есть, и произнес:

- Я уважаю канцлера Му как канцлера. Просто... он встретил на пути меня.

- Я думал, ты на него зол, - сказал У Ду.

- Нет, - ответил Дуань Лин. - Именно поэтому я не должен потерпеть неудачу в управлении Великой Чэнь без него.

В третью четверть полудня, сидя в отдельной комнате на втором этаже «Лучшей лапши в мире», Дуань Лин пил чай. Когда палач огласил приговор, толпа взревела, и стало ясно, что Му Куанда был обезглавлен. Он тихо вздохнул.

Бывает так, что умирает человек, но его дух или идея продолжает жить. Для Дуань Лина сейчас уже не имело значения, были ли они друзьями или врагами.

- Цай Янь! - прогремел голос глашатая. - Самозванец, выдававший себя за наследника престола! Приговорен к смерти от тысячи порезов!

Толпа взорвалась гулом. После переноса столицы впервые кто-то был приговорен к смерти от тысячи порезов. Палач сорвал с Цай Яня одежду, обнажив его истощенное тело, а затем, взяв в руки бесподобно острый нож, приставил его лезвие к груди и плавно скользнул вниз по коже.

Цай Янь глухо застонал. Чтобы он не пытался покончить с собой, откусив себе язык, ему заткнули рот шариком из конопли*.

* □□ шарики из конопли использовали во время пыток и казней, чтобы человек чувствовал меньше боли и меньше кричал.

Простолюдинов становилось все больше и больше. Поначалу Цай Янь старался не кричать, но не прошло и сотни порезов, как он, весь в крови от ран, уже выл от боли, а земля под ним покрылась кусками плоти. Его душераздирающие вопли словно исходили от демона, испытывающего невыносимую боль.

- Сто шестнадцать! - глашатай отсчитывал каждый порез. Этот вид казни требовал ювелирной точности - должно быть ровно три тысячи шестьсот порезов. Сначала палач методично отделял мясо от костей, а затем, сдирая кожу, перерезал сухожилия. Кроме того, приговоренным подавалось специальное снадобье, чтобы они могли выдержать эти страшные муки и не умереть раньше положенного времени.

- Сто тридцать девять! - раздался следующий счет.

Дуань Лин и У Ду сидели друг напротив друга в мрачном молчании, пока леденящие душу крики Цай Яня пронизывали воздух.

Когда счет достиг «тысячи ста двадцати», от его тела уже мало что осталось. Кровавое месиво с пульсирующими на лице венами, веки срезаны, с головы полностью снят скальп - зрелище напоминало оживший кошмар из преисподней.

- Тысяча сто двадцать один!

- Тысяча сто двадцать два!

Гортанный хрящ Цай Яня судорожно двигался, вырывая из глотки звериные вопли.

Хозяин чайной поставил на стол поднос с пирожными и протянул запечатанный конверт:

- Ваше Высочество, для вас письмо.

Дуань Лин уже собирался взять послание, но У Ду, опасаясь яда, перехватил конверт и вскрыл его.

На бумаге было выведено всего три слова: «Дай ему умереть».

Почерк принадлежал Лан Цзюнься. Значит, он все еще здесь. Возможно, наблюдал за казнью из толпы и наконец не выдержал, попросив для Цай Яня пощады.

Дуань Лин спустился к помосту для казни.

- Прибыл Его Высочество наследный принц!

Стражи в Черных Доспехах расчистили пространство. Палач замер с ножом в руке, а затем опустился на колени, чтобы поклониться.

Дуань Лин не велел палачу отступать. Взойдя на помост, он поднял взгляд на окровавленное тело Цай Яня, подвешенное высоко над землей. Впервые в жизни он наблюдал столь изощренную пытку.

- Я... ненавижу тебя, - с трудом выдавил из себя Цай Янь.

- За что? - Дуань Лин никогда не понимал, как работает мозг Цай Яня. - Это я должен тебя ненавидеть. Но вместо этого меня ненавидишь ты.

- Ты... - гортань Цай Яня издала жуткий булькающий звук. - У тебя есть твой... отец... и есть... Лан Цзюнься... ты просто... родился в семье Дуань... и у тебя было... все. А у меня... ничего... Небесам... даже пришлось... отнять... то небольшое, что у меня было.

Его адамово яблоко скользило вверх-вниз, а все мышцы тела, пульсируя, пропускали наружу новые струйки крови.

- Помню, когда я только начал учиться в Прославленном зале, — сказал Дуань Лин, — ты был мне как старший брат. Говорил, чтобы я приходил к тебе, если Бату будет меня задирать.

Глаза Цай Яня уже не могли закрыться - выпученные, налитые кровью, они вылезли из глазниц, и он, как чудовище, уставился на Дуань Лина.

- Ради нашей старой школьной дружбы... - вздохнул Дуань Лин. - Давай закончим на этом.

Он отошел на несколько шагов от Цай Яня и остановился к нему спиной.

Из его рта продолжали вырываться жуткие хрипы:

- Я... даже призраком... не прекращу...

Дуань Лин резко развернулся. Лук в его руках дрогнул, и стрела, выпущенная обратным хватом, с легким свистом преодолела десять чи. Насквозь пронзив полупрозрачную от наполнявшей его крови грудную клетку, она навеки остановила сердце.

Кровь фонтаном хлынула из раны, сочась по всему телу, и Цай Янь с широко открытыми глазами медленно склонил голову. Алая река стекала по обезображенному телу, покрывая землю.

Толпа рассеялась, и на помосте осталось лишь окровавленное тело, с которого капля за каплей продолжала литься кровь.

У учебного плаца Бату и Хэлянь Бо ждали Дуань Лина. Когда он подошел, из его глаз безудержно хлынули слезы. Хэлянь Бо молча положил руку ему на плечо, а Бату обнял.

Осенний ветер шелестел листвой. По дороге в Цзянбэй клены кружились в воздухе, украшая землю кроваво-красным узором.

В сопровождении У Ду и Чжэн Яня Дуань Лин лично провожал Бату, Хэлянь Бо, Елюй Лу и Тендзина Вангъяла до самого края равнин Цзянчжоу.

- Осталось два года, - напомнил Бату.

- Я помню, - кивнул Дуань Лин.

Они прощались под багряным дождем кленовых листьев.

- Я-я помогу! - вырвалось у Хэлянь Бо.

Бату бросил на него сердитый взгляд, но тот упрямо повторил:

- Я... я хочу... помочь ему!

- С тобой я сражусь первым! - зарычал Бату.

Хэлянь Бо, сделав шаг вперед, толкнул монгола, и они схватились за одежды, готовые броситься в драку, но Елюй Лу с товарищами разняли их.

Все понимали, что эта встреча - последняя. В следующий раз их клинки скрестятся в смертельной схватке. Бату крикнул что-то на монгольском, вскочил в седло и без оглядки ускакал.

Остальные молча смотрели ему вслед.

- Твоя помощь не нужна, - сказал Дуань Лин. - Я и сам сражусь с ним.

Вскочив на Бэнь Сяо, он попрощался с Хэлянь Бо и остальными, и те разъехались в разные стороны.

- Передайте это письмо Цзунчжэню, когда вернетесь, - произнес Дуань Лин. - Я очень благодарен ему за помощь.

Елюй Лу с седла в знак уважения сложил ладони, а Тендзин Вангъял, держа в руках договор о союзе с Великой Чэнь, помахал ему на прощание.

Остановившись перед дорогой, ведущей на равнину, Дуань Лин неподвижно сидел на Бэнь Сяо, наблюдая за Бату и остальными. Свита Бату постепенно исчезла на горизонте, превратившись в крошечные черные точки на нижней границе неба.

Но эти маленькие черные точки словно остановились и больше не двигались вперед. Может, Бату обернулся, чтобы в последний раз посмотреть на него? А может, и нет. Кто знает?

Лишь когда последние силуэты растворились вдали, Дуань Лин развернул коня и направился обратно в Цзянчжоу — на свою родину.

Зимой того же года наследный принц Чэнь Ли Жо вернулся ко двору, объявив всеобщую

амнистию.

На следующий год император учредил особые экзамены для талантов со всех провинций, а Восточный дворец расширил штат советников. Хотя год выдался урожайным, а в государстве царили мир и процветание, двор ввел большие налоги, мобилизовав стотысячное войско из Цзяннани, Цзянчжоу, Сычуани, Шаньдуна и Хэбэя.

К четвертому году правления Цзинь* наследный принц Ли Жо лично прибыл в Хэбэй, чтобы подготовить армию, собирая воинов со всех земель, пока их численность не достигла двухсот тысяч. Ляо и Юань готовились к битве.

* Название периода правления Ли Яньцю.

Осенью пятого года правления Цзинь основные силы Чэнь выдвинулись к Сюньбэю. Первая схватка союза Ляо и Чэнь с войсками Юань завершилась поспешным отступлением монголов по Шанцзинской дороге на север, к горе Цзянцзюнь.

В двенадцатом месяце пятого года правления Цзинь армии Чэнь и Юань сошлись в решающей битве у подножия горы Цзянцзюнь, что положило начало сражению, вошедшему в историю как Битва при Ючжоу. Эта военная кампания, крупнейшая со времен позора в Шанцзы, стала самой масштабной за всю историю противостояния империи Чэнь иноземным народам.

<http://bllate.org/book/15657/1400684>